

В. В. Кривошеев

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПАРАДОКС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Часть вторая

Статья продолжает предшествующую публикацию, в которой показывалось формирование и становление организованной преступности в раннесоветский период истории российского общества. Во второй части раскрываются особенности проявления организованной формы криминальной активности в период так называемого застоя. Автор подчеркивает, что 1980-е гг. были наиболее благоприятными для разветвления организованной преступности. Именно тогда этот вид антисоциальных деяний достиг наибольшего размаха, охватив своим влиянием все сферы социальной жизни и образовав массивный околопреступный социальный мир. Речь, в частности, идет о все большей коррумпированности властных структур, аппарата управления, включая партийных работников разного уровня, что прежде практически не фиксировалось. Коррупция поразила и правоохранные органы, прежде всего милицию. Отмечено, что за весьма короткий период истории, связанный с нахождением у власти Ю.В. Андропова, были приняты определенные шаги по обузданию наиболее опасных проявлений организованной преступности, но это период оказался непродолжительным. Наступившая вскоре Перестройка перечеркнула сделанное и ознаменовала наступление нового этапа развития организованных форм криминальной активности. Рассмотрены также различные проявления организованной преступности, которая всегда пыталась мимикрировать под легальные формы экономической и иной активности. Высказаны соображения относительно возможности дальнейшего ограничения сфер влияния организованных форм преступности.

This article follows the previous publication, which showed the growth of the organized crime in the Soviet period of Russian social history. This part of the article reveals the features of organized criminal activity during the so-called "stagnation period." At the same time, the author emphasizes that the 1980s were the most favorable for the sprawl of organized crime. It was during these years that this type of antisocial activity reached its peak, covering all spheres of social life with its influence, bringing to life a massive near-criminal social world. In particular, it was a matter of increasing corruption of local structures, the apparatus of management, including Party officials at various levels, which had not been known before. Corruption also affected law enforcement agencies, especially the police. In this part of the article, the author noted that in a very short period of history related Y. V. Andropov certain steps were taken to curb the most visible and dangerous manifestations of organized crime, but this period itself was not long. Later restructuring essentially crossed out what was done and marked the onset of a new stage in the development of organized forms of criminal activity. Various

manifestations of organized crime, which has always tried to merge with legal forms of economic and other activity, are also considered. Suggestions have been made about the possibility of further limiting the spheres of influence of organized criminal activity.

Ключевые слова: организованная преступность, советский период истории, трансформация организованной преступности

Keywords: organized crime, Soviet period of Russian history, transformation of an organized form of criminal activity

«Застой» и Перестройка: новые возможности организованной преступности

В середине 1960-х гг. «оттепель» окончательно сменяется иной социально-политической, духовной и экономической ситуацией, получившей в истории определение «застой». Сам термин, как представляется, не в полной мере передает суть положения, сложившегося в СССР. Застой, скорее, характеризовал кадровую неподвижность, несменяемость весьма престарелого руководства страны. Продолжилась, может и в несколько большем масштабе, практика идеологического (и не только, впрочем) давления на интеллигенцию, ограничений различных проявлений свободомыслия. Из страны был изгнан А. И. Солженицын, начата откровенная травля многих литераторов (например, Ю. Даниэля и А. Синявского, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе И. Бродского). Получила распространение и так называемая советская психиатрия, когда власть всем, кто не разделял официальный курс партии, навешивала ярлыки психически больных людей (типично советский диагноз того времени — «вялотекущая шизофрения»).

С середины 1960-х гг. в советском обществе весьма высокими темпами нарастала обстановка вседозволенности, двойных стандартов и двойной морали — то, что, естественно, получало осуждение на словах, не подкрепленное действиями и соответствующей политической волей. Именно с середины 1960-х до начала 1980-х гг. в СССР начала складываться обстановка безнаказанности, сокрытия информации о реальной криминальной опасности, угрожавшей обществу. Неслучайно поэтому, как показывали закрытые исследования, проведенные Всесоюзным научно-исследовательским институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР, многим более 17 % от числа опрошенных были в этот период уверены в неизбежности наказания за совершенные антисоциальные действия [1, с. 54].

Часть преступлений и иных нарушений права просто не учитывалась, другие антизаконные деяния квалифицировались как менее опасные для общества деяния. Точно так же, как приписки в промышленности, строительстве, на транспорте, манипуляции со статистикой в правоохранительной системе призваны были сформировать представ-

ление о благополучном, процветающем, бесконфликтном обществе. Подобное отношение к социальным реалиям еще больше обостряло криминогенную обстановку.

Особо следует, на наш взгляд, вновь остановиться на положении в сфере обмена и распределения. По сути, розничная торговля в СССР к середине 1970-х гг. разделилась на две взаимосвязанные подотрасли — официальную и теневую. Именно на этой стадии создаются организованные преступные группы, которые используют отработанную систему махинаций. А такие схемы были многообразны: пересортица, мнимая порча товара с последующим его списанием, направление товарных потоков «своим» реализаторам, торговля неучтенными излишками. Все это формировало материальную базу, позволявшую махинаторам не только вести образ жизни, не вписывающийся в фиксированные официальные заработки, но и создавать условия для подкупа должностных лиц [1, с. 89].

Криминальная деформация все более характеризовала и положение в таких отраслях, как мясомолочная и деревообрабатывающая промышленность, сфера услуг, прежде всего автосервис. Приписки, искажения отчетности, оплата за невыполненную работу, незаконное премирование, не говоря уже о хищениях, отмечались в хлопководстве, виноградарстве, строительстве, на транспорте. Налицо была явная угроза перерождения социально-экономических отношений [2].

Что касается политики по борьбе с организованной преступностью, то именно с середины 1960-х гг. для нее были характерны невнимание, безразличие, прямое попустительство по отношению к этой форме криминальной активности. Неслучайно именно в указанный период беспрецедентно возрастает финансовая и экономическая мощь организованных преступных групп и сообществ. По некоторым оценкам, оборот организованной преступности уже в конце 1970-х гг. составлял в СССР не менее 150–250 млрд рублей в ценах 1978 г. [3]. Для того чтобы оценить, много это или мало, достаточно сказать, что весь бюджет Советского Союза в том году был лишь в 3–3,5 раза больше.

Невиданных прежде масштабов достигает коррупция, в нее втягиваются партийные и государственные руководители союзного масштаба, страну начинает захлестывать наркомания [4]. Все эти негативные явления были как по эстафете переданы последним руководителям Советского Союза, которые уже не могли, а возможно, и не хотели что-либо сделать для ограничения всевластия криминального мира.

Сращивание деятелей теневой экономики с представителями номенклатуры заметно активизировало формирование самой мощной формы организованной преступности — мафии (особенно это было характерно для Средней Азии, республик Кавказа, Москвы, Ленинграда). Исследователи фиксируют невиданное падение престижа власти в это время, распространение пьянства и алкоголизма как своеобразной реакции масс населения на существующие порядки, на невозможность достойно жить и работать, продвигаться по служебной лестнице без высоких покровителей. В органах власти процветали интриги, чиновничество, угодничество [5, р. 183].

Серьезный удар был нанесен по самим основам правовой системы. Чаще всего решения высших партийных органов имели приоритет над законами. Законы при этом попирались неофициальными решениями, устными указаниями номенклатуры — так называемым телефонным правом [4].

В качестве наиболее показательного примера масштаба распространения организованной преступности можно сослаться на происходившее в Ленинграде, который гордо называли в советское время «городом трех революций», носившим имя «вождя мирового пролетариата». Следует иметь в виду, что Ленинград отличался традиционно сильными позициями контрабандистов. Это объясняется прежде всего географическим положением города и всего региона. Не последнюю роль играло и то, что в нем всегда находилось большое количество музеев, хранилищ предметов искусств, проживало много коллекционеров, реставраторов, художников.

Предметами контрабанды в 1970-х гг. были произведения искусства, антиквариат и товары народного потребления (одежда и бытовая техника). Контрабанда обеспечивалась преступной инфраструктурой. В городе работала разветвленная сеть «агентов», в задачи которой входил сбор информации и определение потенциальных жертв преступлений. Типичные жертвы преступлений — пожилые одинокие пенсионеры, алкоголики, собирающиеся эмигрировать лица. Преступления могли носить насильственный характер (разбой, грабеж, вымогательство) или же выглядеть как мошенничество, шантаж [6].

В Ленинграде действовало также множество «команд» спекулянтов (фарцовщиков). Они занимались скупкой и последующей перепродажей (спекуляцией) товаров народного потребления. В условиях тотального дефицита преступники организовывали оптовые скупки со складов, «блокирование» магазинов, перекупку модных вещей у иностранных граждан и соотечественников, приезжающих из-за границы. В дальнейшем товары продавались на полуправильных вещевых рынках, вблизи крупных магазинов (ленинградцам была хорошо известна так называемая «галёра» — галерея Гостиного двора, в самом центре Невского проспекта — место торговли предметами женского туалета, парфюмерией и другими товарами) и в общественных туалетах. Ленинград стал одним из центров, куда приезжали фарцовщики со всего СССР. Значительный объем криминальной деятельности составляли так называемые незаконные «валютные операции», то есть покупка и продажа иностранной валюты, прежде всего долларов [6].

В 1970-е гг. в Ленинграде начал складываться и наркобизнес, процветала система перевозки и продажи наркотиков. Большую часть наркотических средств перевозили и продавали представители «системы» (хиппи), цыгане, многочисленные неорганизованные курьеры. Традиционные районы, откуда доставляли наркотики, — Казахстан, Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), Дальний Восток, некоторые республики и области юга СССР (Украина, Краснодарский край, Ставропольский край). В Ленинграде практиковалась и системно

организованная кража из аптек, больниц, фармацевтических лабораторий с последующей продажей наркотических препаратов. Основные виды наркотиков в 1970-е – начале 1980-х гг. – «трава» (конопляные наркотики – анаша, гашиш и др.), морфий, «черняшка» (маковые, опийные наркотики, изготавливаемые в домашних условиях), «винт» (первитин), грибы (довольно редкий вид галлюциногенных грибов, произрастающий в окрестностях города), реже встречались ЛСД и героин. С началом войны в Афганистане военнослужащие начали привозить наркотики из этой страны. Очевидно, что этот рынок вряд ли мог существовать без четко организованной системы. Однако сведения о сообществах этого времени практически отсутствуют [6]. Так, на примере одного города (правда, мегаполиса) мы увидели, как происходило в 1970-х – начале 1980-х гг. развитие и закрепление всех форм организованной преступности.

Таким образом, существование «альтернативной экономики» неминуемо предполагало глубокую деформацию общественной морали в соответствии с такими постулатами этики «реального социализма», как «хочешь жить – умей вертеться», «работа дураков любит», «где бы ни работать – лишь бы не работать», «государство делает вид, что нам платит, а мы делаем вид, что работаем» и т. д.

Такая мораль порождала массовые хищения. Люди, по сути, руководствовались правилами «всех не пересажают», «если можно много воровать начальству, почему нам нельзя взять чуть-чуть?». Это был нормальный подход с точки зрения советского здравого смысла, позволявший если не жить, то по крайней мере выживать в условиях того времени.

Вот как складывалась, например, ситуация на транспорте. Только за два года (1976–1977) число краж в этой сфере возросло в два раза, стоимость украденного – в 4 раза. При этом 40 % воров сами были железнодорожниками, а 60 % – работникам водного транспорта. За год от 9 до 11 тыс. легковых автомашин, предназначенных на экспорт, скапливалось в Бресте, потому что их невозможно было передать в «разобранном» виде иностранцам. Все, что можно (колеса и некоторые другие детали), с них просто разворовали в процессе транспортировки. 25 % тракторов и сельскохозяйственных машин приходило к месту назначения разукomплектованными; 30 % автомобилей «Жигули» вернули на ВАЗ, так как к потребителю они пришли наполовину разобранными. Воровали на много миллиардов рублей в год; мяса крали в 7 раз больше, чем двумя годами ранее, рыбы – в 5 раз больше. В 1978 г. поймали 4 тыс. воров на железной дороге, в 1979-м – 11 тыс. [7]. А кого не поймали – сколько их?

Коррупция охватила и представителей партийно-государственной элиты. Например, в 1974 г. без всякого официального оповещения от должности была освобождена Ядгар Насриддинова, председатель Совета национальностей Верховного совета СССР. Выяснилось, что на делах по амнистии она получила взятку на 23 млн руб. Но ей вынесли только строгий выговор, при этом сделали заместителем министра промыш-

ленности строительных материалов. Вернула в государственную казну она из 23 млн только 3. Причем в дальнейшем выяснилось, что вокруг Насриддиновой действовала целая организованная преступная группа: смертные приговоры преднамеренно выносились в делах, которые совсем необязательно требовали высшей меры, — чтобы легко было их отменить с помощью высокопоставленной чиновницы [7].

В 1983 г. в Советском Союзе был зарегистрирован резкий скачок преступности. На самом деле особого скачка не было: к власти в конце 1982 г. пришел Ю. В. Андропов, быстро сменивший на посту министра внутренних дел Н. А. Щелокова, ставленника Л. И. Брежнева. И чтобы показать, каким негодным руководителем был Брежнев, как справедливо отмечает Ю. Гилинский, надо было продемонстрировать жесткость и непреклонность в борьбе с преступностью, навести хотя бы элементарный порядок в стране, где руководители всех уровней погрязли в воровстве и коррупции, где отсутствовала элементарная производственная и общественная дисциплина [8].

К началу 1980-х гг. в Узбекистане, например, практически не осталось ни одного государственного предприятия, на котором бы не было масштабных злоупотреблений, а весь партийный аппарат республики оказался тотально коррумпирован. Расследовавшие «узбекское дело» следственные бригады Генпрокуратуры СССР изымали из тайников миллионы рублей, выкапывали заполненные золотом 40-литровые бидоны. Выяснилось, что представшие перед следствием новоявленные эксплуататоры из числа коммунистических баев реанимировали не только капиталистические, но и феодальные и даже рабовладельческие порядки. Так, на плантациях первого секретаря райкома компартии одного из районов Адылова, носившего звание Героя социалистического труда, работали (по 10–12 часов в сутки, причем практически даром, за еду) настоящие рабы: они не могли покинуть не только свой район, но и свой поселок, у них не было паспортов и обязательных для всех работающих в СССР трудовых книжек, а недовольных он и его подручные годами истязали в собственных частных тюрьмах. Местная милиция строго охраняла подъезды к владениям Адылова. Те, кто пытался жаловаться на рабовладельческие порядки, рисковали свободой и жизнью — некоторые из них исчезали бесследно. Террор осуществлялся и «законно», с помощью «правоохранительных» органов, которым ничего не стоило сфабриковать уголовное дело с подставными свидетелями. Если кому-нибудь из работников МВД Узбекистана приходило в голову попытаться пресечь тот или иной незаконный «бизнес», то за его убийство дельцы могли заплатить представителям организованного преступного мира до миллиона рублей [9].

В целом же к исходу так называемого застоя можно констатировать наличие следующих социальных феноменов в советском обществе. Во-первых, при всем стремлении приукрасить действительность, скрыть даже официальные, то есть во многом фальсифицированные данные, показателен тот факт, что число даже зарегистрированных преступлений с 1970 по 1983 г. увеличилось вдвое, причем в значительной мере за счет корыстных преступлений [2, с. 169].

Во-вторых, при всей неоднозначности социальных процессов, протекавших в тот период, можно говорить, что к концу его наблюдалось частичное сращивание криминального мира, по крайней мере некоторых его представителей («воры в законе»), с отдельными звеньями аппарата управления, прежде всего — занимающегося распределением материальных благ и сферой услуг. Были налажены контакты отдельных представителей преступного мира и с партийными руководителями, по крайней мере в национальных республиках, что обусловило затем нарастающий сепаратизм в СССР.

В-третьих, в этот период произошло определенное самоопределение преступного мира — достаточно многочисленная его верхушка перестала осознавать (и / или оценивать) себя как все же периферийную часть общества. Характерно, что сформировавшаяся к середине 1980-х гг. новая волна «воров в законе» уже стремилась хотя бы внешне мимикрировать под вполне законопослушных граждан. «Вор в законе» все больше начинал походить на менеджера, чем на наиболее умелого преступника, личным примером обеспечивающего успех того или иного «дела» [2, с. 171].

В марте 1985 г. к власти в Советском Союзе пришел Михаил Горбачев, сравнительно молодой (ему в ту пору исполнилось 54 года, после брежневских старцев он казался советским людям просто юнцом), энергичный, настроенный на модернизацию советского строя политик. Однако новый период в истории советского общества открыл немалые возможности для организованной преступности. Именно в ходе Перестройки (1985—1991) произошли наиболее существенные социальные изменения, во многом определившие криминальное положение в российском обществе и в настоящее время. Конечно, теневая экономика к этому времени в СССР уже сложилась, а экономическая мощь ее была таковой, что можно было вполне говорить о наличии второй экономики. Более того, к этому времени криминалитет уже отработал устойчивые связи с аппаратом управления на всех уровнях социальной организации — от заводов и районов до областей и республик в составе СССР, до центральных ведомств и министерств [2, с. 170].

Прежде всего следует, на наш взгляд, обратить внимание на то обстоятельство, что в этот период протекала частичная легализация и, соответственно, реабилитация (точнее, попытка реабилитации в общественном мнении, массовом сознании) представителей преступного мира. Господствовавшая, по крайней мере на уровне пропагандистских усилий, идея кардинальной перестройки социальных отношений, коренного пересмотра всех основных ценностей советского периода истории российского общества весьма своеобразно стала преломляться во многих формах массового воздействия на сознание людей (печать, эстрадное искусство, кинематограф и т. п.). Культивировалось представление о том, что все без исключения осужденные по так называемым хозяйственным статьям Уголовного кодекса и являются на самом деле настоящими рыночниками, готовыми едва ли не возглавить соответствующее реформирование предприятий и организаций [2, с. 171].

Открытость некоторых прежде недоступных для общественного обсуждения тем в публикациях средств массовой информации также преломлялась весьма специфично. В массовое сознание настойчиво внедрялись представления о бедственном положении заключенных, о полной несправедливости судов, об исключительно обвинительном уклоне приговоров, о необходимости в силу этого гуманизировать пенитенциарную систему в Советском Союзе. При этом, как правило, игнорировалась точка зрения пострадавших, жертв преступных посягательств [2, с. 172]. Точнее, даже не игнорировалась, а попросту не замечалась. Вольно или невольно эти факторы играли на руку преступному сообществу, вызывая в нем соответствующую ответную реакцию.

102

Удивительно, как быстро и точно криминальные элементы почувствовали, что у них появился шанс в ходе начавшейся Перестройки. А.И. Гуров, известный российский специалист-криминолог, практик (именно он возглавил впервые созданное еще в СССР Управление по борьбе с организованной преступностью в МВД), приводит содержание письма, перехваченного уже летом 1985 г. из зоны от одного из «воров в законе». Смысл послания сводится к тому, что матерый преступник требовал от своих «подчиненных», оставшихся на воле, быстрее «вытаскивать» его из зоны, поскольку «пришло наше время» — время преступников, включенных в мощные группировки. Именно в это время в воровской среде по созвучию была перефразирована старая русская поговорка «куй железо, пока горячо». В новом варианте она стала звучать так: «Куй железо, пока Горбачев» [2, с. 189].

Эта переделанная поговорка стала своеобразным девизом, призывом к криминалитету: пользуйся моментом, вдруг вновь начнутся более или менее успешные и профессиональные действия правоохранительной системы, а пока все эти политологи и экономисты пусть спорят, какой именно строй сформировался в Советском Союзе, народ пусть мечется в поиске все быстрее исчезающих продуктов; можно быстро продвигаться по пути обогащения, захвата лакомых кусков собственности.

С началом Перестройки быстро и совершенно непродуманно менялось законодательство. При этом не делалось даже элементарных попыток криминологической экспертизы новых законов, затрагивавших самые основы социально-экономической системы, что приводило к открытому проникновению организованной преступности в основные отрасли народного хозяйства СССР.

Впервые криминалитет получил возможность массовой, но в то же время частичной легализации, привлечения в свои ряды значительной доли индивидов из иного социального мира после ввода в действие в СССР закона «О кооперации» (1987). Создание торгово-посреднических кооперативов, их союзов не только привело к дальнейшему разрушению потребительского рынка в стране, уже испытывавшего крайнее напряжение из-за потери общей управляемости социальными процессами, но и ввело в оборот огромные деньги «теневой экономики», позволило как бы вчерне отработать технологию все более массовых контактов с представителями органов власти, установить еще более тесные

отношения с экономическими кругами, прежде всего в сфере торговли. Кооперативы не только вводили в оборот незаконно полученные деньги, но и получали значительные возможности обналичивания финансовых средств, строили взаимоотношения на основе неучтенной наличности ресурсов. В 1989 г., к примеру, превышение снятых с банковских счетов денег над внесенными на них составило 19 млрд, а за первое полугодие 1990 г. — 12 млрд руб. [10]. Примечательно и другое: в кооперативах можно было использовать наемный труд, что для тогдашнего советского человека казалось не только странным, но и едва ли приемлемым. Параллельно созданию массы посреднических и торговых кооперативов шло дальнейшее разрушение потребительского рынка, начался обвальный дефицит все большего числа товаров, что еще сильнее генерировало криминальную активность в сфере обмена и распределения, оказания разного рода услуг [1, с. 172]. Неслучайным представляется и то, что в кооперативах до 60 % их руководителей, как отмечает криминолог И. И. Карпец, были ранее судимыми [10].

В 1988 г. в Советском Союзе ввели первые талоны на продовольственные товары (на сахар) — карточки, которые регламентировали продажу продовольственных товаров. К концу Перестройки без талонов можно было купить разве что хлеб. Кроме продуктов питания были талоны на водку, стиральный порошок и т. д. Работники типографий, где печатались талоны, наживались на том, что изготавливали лишние партии этих важных с точки зрения потребителей документов и продавали их через друзей и знакомых [11].

Существенные правовые пробелы имели и законы «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О государственном предприятии». По второму, например, на государственных (а других тогда в СССР просто не было) заводах можно было создавать так называемые малые предприятия и кооперативы. По этому закону налоги и прочие отчисления в бюджет государства платило основное предприятие, а все остальное (производственные фонды, помещения, оборудование и т. п.) могли использовать кооперативы, извлекая выгоду лишь для себя, имея при этом наличные деньги [11]. Излишним, видимо, будет говорить, как охотно и быстро воспользовались этим обстоятельством дельцы теневой экономики, все преступники, связанные с ее организованными формами. Такова была импровизационная политика власти в указанный период.

Крайне непродуманной была и так называемая антиалкогольная кампания Горбачева. Шестнадцатого мая 1985 г. вышел указ Президиума Верховного совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», что и стало началом антиалкогольной кампании в стране. Ее целью была борьба с пьянством, укрепление общественного порядка и трудовой дисциплины. Но вместо того, чтобы вести комплексную и последовательную работу, сочетать стимулирующие и тормозящие меры, организаторы кампании свели ее в основном к запретам, штрафам, крайним ограничениям. В свою очередь, запреты и ограничения выступили

своеобразным стимулом хорошо известных негативных тенденций: нарушались правила торговли, процветали самогоноварение, спекуляция и незаконная продажа спиртных напитков, возрастало потребление суррогатов.

В стране, привыкшей жить в условиях нехватки всего и вся, возник новый жесточайший дефицит. Бутылка водки превратилась в эквивалент твердой валюты. Производство крепких спиртных напитков сократилось на 25 %, площадь виноградников — на треть. Было закрыто или перепрофилировано большое количество спиртоводочных и винных заводов. Бюджет СССР стал недосчитываться в среднем до 25—30 % поступлений в год [12].

104

Отмена репрессивного характера административно-бюрократической системы не сопровождалась институционализацией гражданско-правовых форм контроля над деятельностью аппарата, принимавшего решения об использовании объектов общественной собственности. В результате постепенно в среде бесконтрольных хозяйственных руководителей стали формироваться частные интересы и волонтаристские методы работы, дезорганизовывавшие тогдашнюю структуру народного хозяйства. Бюрократия по команде сверху ослабила внутреннюю дисциплину, открыв путь произвольному распоряжению правами общественной собственности, хищениям, финансовым махинациям. Эти тенденции, как считают многие аналитики, представляли собой не столько недостаток принципа планирования, сколько явные просчеты в порядке его применения [13].

Порядок принятия решений окончательно оказался в ведении не законодательной, а административной воли. Поэтому их легальность часто была спорной. Можно даже заключить, что правовое обеспечение системы принятия плановых решений отставало от требований развития производства и даже не столько допускало деятельность теневого рынка и теневых отношений, сколько всемерно способствовало им [13].

В 1988 г. в стране была принята система хозрасчета, предоставлявшая предприятиям новые права в распоряжении финансовыми ресурсами, не сопровождаемые соответствующей ответственностью, вступил в силу закон о кооперации, разрешавший частную эксплуатацию наемного труда. Финансы, не покрывая плановую продукцию, стали из государственных предприятий активно уходить в кооперацию, которая превратилась по преимуществу в торговое посредничество, так был легализован теневой рынок. А закон о совместных предприятиях обеспечил легальный выход «теневого капитала» на международный рынок. Таким образом, нелегальный интерес бюрократии нашел реализацию в организации теневой экономики, а в дальнейшем, в 1991—1993 гг., она стала инициатором политического курса на защиту права частной собственности и на трансформацию государственной системы, что подвело черту под существованием социалистического способа хозяйствования в России [13].

Примечательные процессы разворачивались в этот период в криминальной среде. Во-первых, было закреплено изменение «воровского закона». Появилась возможность покупки «звания» «вора в законе», что

прежде было невысказано. Более того, отныне отнюдь не возбранялось, а даже поощрялось поддержание лидером преступного мира связей с управленческими и правоохранительными структурами, в том числе на уровне их руководства. Часть рецидивистов-авторитетов, несогласных с такой коренной ломкой традиций, либо подкупалась (получая своеобразную «пенсию» от преступных сообществ), либо физически устранялась. По данным научно-исследовательского института МВД СССР, в конце 1987 г., например, отмечались факты, когда старым «ворам в законе» выплачивались немалые суммы только за то, чтобы они не участвовали в воровских сходках, на которых вырабатывалась новая стратегия криминалитета. Кроме того, за год самими преступными сообществами было ликвидировано около 30 прежних «авторитетов» и «воров в законе» [2, с. 172]. Таким образом, сами процессы, шедшие в ту пору в преступной среде, убедительно свидетельствуют о начале слияния общеуголовной преступности и аморальной части быстро обновляющегося аппарата управления.

Во-вторых, тормозившийся прежде численный рост наиболее влиятельных членов преступных сообществ сменился быстрым кооптированием в эти ряды задержавшихся на второстепенных ролях криминальных элементов. Наряду с примерно 700 «воров в законе» быстро стали набирать вес около 20 тысяч «авторитетов» (а это следующая, хотя и более низкая, ступень в криминальной иерархии), а также десятки тысяч «бойцов» из их ближайшего окружения («пристяжь») [2, с. 172]. Увеличивалось и число так называемых смотрящих, то есть криминальных элементов, назначаемых сходками или сообществами для контроля над определенной территорией, на которой в силу разных обстоятельств отсутствовал «вор в законе» или «авторитет».

Получается, что именно преступники стали наиболее активно действовать, увеличивая свои финансовые возможности, а значит и способность оказывать влияние в обществе, быстро теряющем нравственные и правовые ориентиры — и без того достаточно шаткие, что было показано выше.

В-третьих, в криминальной среде начала фиксироваться дифференциация по этническому признаку. Само по себе, по нашему представлению, это также является весьма симптоматично: криминалитет уже в середине 1980-х гг. сделал ставку на раздельное существование этносов, на государственный сепаратизм, на поддержку тех региональных политиков, которые открыто или менее явно показывали стремление дистанцироваться от федеральных властных структур — и союзных, и (в случае России) республиканских. Именно в эту пору появились преступные группировки, объединенные по сугубо этническому признаку (грузинские — «пиковая масть», туркменские и т.п.) [2, с. 173–174]. Организованная преступность быстро осознала важность общения с руководителями «своих» республик, чтобы местные элиты как можно реже оглядывались на действия союзной власти, и без того быстро теряющей влияние как на народ, так и на так называемую номенклатуру — на представителей партийной, государственной и хозяйственной верхушки.

При Горбачеве произошло никем не замеченное событие: секретариат ЦК КПСС разрешил номенклатуре делать покупки до 10 тыс. долларов (!) без объяснения источника валюты. Кажется, мелочь, но это было прямое приглашение к коррупции, поскольку заработную плату партийные, государственные и хозяйственные руководители получали в рублях [14].

В-четвертых, с началом Перестройки в СССР стремительно стали формироваться первые признаки новой, еще более противоречивой и политически криминогенной, эпохи, а параллельно — и новых форм политической преступности. Осуждение массовых репрессий, депортации народов, формирование многопартийности и реабилитация жертв государственного террора сопровождались их рецидивами в новых формах. Эти годы ознаменованы политическими событиями и протестами в Алма-Ате (1986), Вильнюсе (1987), Баку и Тбилиси (1989), других городах, где союзные и республиканские власти пытались силой подавить сепаратистские, националистические и экстремистские выступления, направленные на национальную обособленность и выход из СССР. В этих событиях политическая криминальность была нередко обоюдной и со стороны центральных властей, и со стороны рвущихся к власти националистических лидеров. По состоянию на март 1991 г. в СССР было зафиксировано 76 разгоревшихся территориально-этнических конфликтов, 80 споров находилось в латентной стадии [15].

Так заканчивалась социалистическая пора в жизни российского общества. Наступала принципиально новая эпоха — эпоха перехода к новому состоянию общества, к постсоциалистическому. С конвенциональной точки зрения постсоциалистические общества воспринимаются и сейчас как пребывающие в «догоняющем» процессе: «...реформы Горбачева, — по словам известного политолога и социолога Ю. Хабермаса, — были направлены на наверстывание упущенного...» [16, S. 85].

Что касается так называемых «лихих девяностых», то эта тема требует особого рассмотрения. Пока можно лишь сказать, что криминальный мир России приобрел к концу Перестройки колоссальный финансовый потенциал, опыт взаимодействия с представителями власти и управления на всех уровнях. Это и позволило криминалитету бросить открытый вызов самой государственности нашей страны.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что масштабное развитие организованная преступность приобрела во время застоя, то есть в период правления Брежнева. Именно этот период во многом определил состояние организованной преступности в России в 1990-е гг. Цинизм и двуличие правящей элиты, полное расхождение слова и дела, попустительская политика советского государства в 1960–1970-е гг. привели к невиданному прежде разгулу организованной преступности. В указанный период масштабной стала коррупция, организованные преступ-

ные группировки впервые получили возможность взаимодействия с целыми секторами органов власти в центре, в регионах, на муниципальном уровне. Началось ускоренное формирование этнических звеньев организованной криминальности.

Что касается последнего этапа советского периода истории российского общества, то именно политика государства в период Перестройки позволила полностью самоопределиться организованной преступности. Крайне неудачное и непродуманное реформирование законодательной базы в Советском Союзе дало организованной преступности возможность легализовать значительную часть своих финансовых средств. Началось сращивание дельцов теневой экономики с государственным аппаратом. Значительного уровня достигла коррупция. Ускорилось разложение государственного аппарата, часть которого открыто содействовало главарям организованных преступных сообществ.

Список литературы

1. Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
2. Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995.
3. *Постперестройка*: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М., 1990.
4. Буровский А. М. Да здравствует «застой»! «Золотой век» России. URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/150171/> (дата обращения: 25.12.2021).
5. Brown A. Power and Policy in Time of Leadership Transition, 1982–1988 // *Political Leadership in the Soviet Union* / ed. by A. Brown. Basingstoke ; L., 1989. P. 163–217.
6. Костюковский Я. В. Социологический анализ преступных организаций. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Kostukovsky-Sotsiologicheskyy_analiz_prestupnyh_organizatsiy.pdf (дата обращения: 25.12.2021).
7. Черняев А. В «застойные» годы утекали миллиарды. URL: <http://www.kp.ru/daily/25946/2890142/> (дата обращения: 25.12.2021).
8. Gilinskij Y. Crime Prevention in Russia: Theory and Practice // *Security Journal*. 1998. №11. P. 109–114.
9. Романов И. Заметки к истории буржуазии в СССР. URL: <http://kzp.rksmb.org/statuzn/rom01.htm> (дата обращения: 25.12.2021).
10. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. URL: <http://www.twirpx.com/file/880218/> (дата обращения: 12.12.2021).
11. Талоны в СССР. Еда, водка, мыло... // Альтернативная история. URL: <http://alternathistory.org.ua/talony-v-sssr> (дата обращения: 10.12.2021).
12. Начало антиалкогольной кампании в СССР. URL: <http://www.odintsovo.info/white/blog.asp> (дата обращения: 25.12.2021).
13. Anderson A. A Red Mafia: A Legacy of Communism, Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform. Stanford, 1995.
14. Тилле А. Великая криминальная революция в России. Мафия у власти. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/tille.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 27.12.2021).
15. Лунев В. В. Преступность в межнациональных конфликтах // Социологические исследования. 1995. №4. С. 103–107.
16. Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt a/M, 1990.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

The author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru